

Российская Академия Наук

Институт философии

А.С. Панарин

**РОССИЯ
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ
ПРОЦЕССЕ**

(между атлантизмом и евразийством)

Москва
1995

ББК 15.5
П 16

В авторской редакции

Рецензенты:

доктор ист. наук *К.С.Гаджиев*
доктор филос. наук *А.А.Гусейнов*
доктор филос. наук *В.Г.Федотова*

П 16 ПАНАРИН А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). - М., 1994. - 262 с.

В монографии анализируется малоисследованная проблема связи между внутренними реформами в России и ее общими цивилизационными и геополитическими сдвигами вдоль осей Восток-Запад, Север-Юг. Осмысление общецивилизационных последствий социальных перестроек и их влияния на государственно-геополитическую и национально-культурную идентичность России является важным моментом современной реформационной рефлексии.

Автором используется метод сценариев, который он рассматривает в качестве альтернативы историческому фатализму мышления, верующего в "непреложные закономерности" общественного развития.

Анализируются два возможных сценария: "атлантический" - вхождения нашей страны в общеевропейский дом, и "евразийский" - освоение Россией самобытной цивилизационной модели.

ISBN 5-201-01863-7

© А.С.Панарин, 1994

© ИФРАН, 1994

Предисловие

*Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижную
средою
Деля, не съединяет их?*

Ф. Тютчев

Под цивилизационным процессом можно понимать и встречу "варваров" с цивилизацией, которая вовлекает их в орбиту своего влияния, и встречу двух цивилизаций, под влиянием которой обе меняются (как правило, неодинаково), и, наконец, глобальный сдвиг общемировой цивилизации (например, переход к информационному обществу).

Когда мы говорим о России в цивилизационном процессе, то имеются в виду все эти моменты. Наша модернизация - это изживание архаики, то и дело оборачивающейся внутренним варварством - грубо неадекватными реакциями на современный мир. Но эта же модернизация выступает как ответ на вызов со стороны динамичной западной цивилизации: предстоит либо достойно ответить на этот вызов, либо капитулировать, превратившись в периферию этой цивилизации. И, разумеется, нынешняя модернизация тем отличается от предыдущих, что протекает в контексте общемирового сдвига, связанного с переходом от индустриального общества к постиндустриальному. Даже в обществах, не успевших завершить предыдущую стадию индустриализации, постиндустриальный контекст должен учиты-

ваться: никто не может уклониться от глобальных, общепланетарных тенденций. Да и природа современного человека такова, что он не может удовлетвориться вчерашним днем более развитых обществ: его достоинство требует целей, находящихся на уровне "мировых стандартов".

Адекватное понимание цивилизационного процесса требует существенного преобразования методологии и понятийного аппарата социальных наук.

В целом, цивилизационная доминанта в социальных науках уже не вызывает сомнений. Она появилась в ответ на поразительную бесчувственность прежнего "технократического" сознания к проблемам социокультурного "подтекста" современной экономической, политической и технологической динамики, к последствиям нового диалога Востока и Запада, Севера и Юга.

Представление об общественном прогрессе как о системе изначально универсалистских импульсов, автоматически действующих в любой национально-культурной среде, игнорировало культурную морфологию современного мира. Пожалуй, именно это представление о культурно-нейтральных механизмах прогресса породило попытки механического переноса институтов западной демократии на российскую почву без учета трудностей, сопутствующих социокультурным барьерам.

Цивилизационный подход связан сегодня с решением ряда проблем, имеющих, наряду с теоретико-методологическим, и важнейшее практически-политическое значение.

В первую очередь эта проблема соотношений общецивилизационных универсалий и региональной (национальной) специфики. Связаны ли эти универсалии с изначальным "генетическим кодом" - своего рода наследственной программой человечества, постепенно и неуклонно реализуемой на протяжении всей истории, или они выступают как результат диалога множества культур и так же проблематичны, как и проблематичен

сам этот диалог, подчиняющийся импульсам таинственного мирового цикла: чередованию фаз интеграции и дифференциации, "экуменизма" и изоляционизма.

Не меньшее значение имеет проблема соотношения цивилизованной стабильности и исторического творчества, нарушающего эту стабильность и вызывающего гигантские пертурбации. Не случайно недавно возник миф о "конце истории" - в известной мере он представляет собой реакцию цивилизованного сознания, жаждущего порядка и предсказуемости, на опасные стихии истории, породившие невиданные катаклизмы XX века.

Массовое историческое творчество в нашем веке нередко воодушевлялось эсхатологическими упованиями на роковой момент "окончательной схватки" сил Добра и Зла и вхождения в земной рай путем коллективной искупительной жертвы.

В противовес этому цивилизованное сознание больше ориентировано на "срединное" время, удаленное от опасных космогоний "начала" и "конца" истории. Ему ближе светское восприятие небезупречного "града земного", который нельзя превратить в рай, но можно постепенно и осторожно совершенствовать. Здесь решающее значение приобретает вопрос о том, достанет ли терпения у всех "изгоев" современной цивилизации (голодных масс третьего мира, люмпенов и маргиналов - жертв ускоренных модернизаций и других пасынков прогресса) удовлетвориться крайне медленными, и к тому же негарантированными подвижками в лучшую сторону. Достаточно ли прочна ткань современной цивилизации, чтобы не прорваться под воздействием толчков неистового "историзма"?

Наконец, третья проблема касается трудностей цивилизационного выбора. В прежней формационной парадигме эта проблема не имела места: у всех народов единый удел, всех неудержимо влечет эскалатор прогресса, выносящий наверх, к заранее предопределенному будущему. Однако в горизонте открытой, заранее не

предопределенной истории такой эскалатор не просматривается. Историческое творчество не подчиняется великим учениям: оно, одновременно, является и свободным для импровизаций, и "слепым" по части своих отдаленных последствий. Оно осуществляется в поле взаимодействия собственного исторического прошлого (давления национальных традиций), современного опыта и внешних влияний (главным образом, со стороны наиболее преуспевающих народов, играющих роль "референтной группы" - предмета зависти и подражания). Относительное влияние этих трех составляющих никогда не бывает постоянным и предопределенным - в этой неопределенности и таится источник свободы цивилизационного выбора.

В то же время поведение народа в зоне исторического творчества (в особенности, в рискованные переходные эпохи) должно вписываться в систему цивилизованных норм и ожиданий - подобно тому, как личные социальные импровизации индивида не должны нарушать общезначимых кодексов поведения.

Сегодня, после опыта гигантских катастроф XX века, это обретает особое значение. Индивидуальный исторический выбор народа не может делаться в духе "отклоняющегося поведения", осуждаемого всей мировой цивилизацией. Таким образом, соотносительность исторического творчества - своеобразного самоопределения народа перед лицом будущего - с цивилизационными универсалиями, с задачами сохранения общепланетной стабильности, является важнейшим условием благополучия.

Ценности своеобразия и самобытности, столь важные для сохранения национальной идентичности, не должны сопровождаться цивилизационной отлученностью того или иного народа, его планетным "изгойством". Ибо цивилизованное сообщество сегодня - это уже не абстракция, а специфическая социокультура-

ная реальность, мобилизующая свои кодексы в борьбе с опасными стихиями варварства.

Наряду с "объективными закономерностями", в которых проявляется давление обстоятельств, национальный выбор ограничен и "субъективными закономерностями" - нормами цивилизованного общежития, выстраданными современным человечеством. Сегодня они вновь подвергаются опасному испытанию. Мы видим это на примере застопорившегося хельсинкского процесса и активизировавшегося международного соперничества за оставленное "советское наследство".

Человечество неожиданно оказалось перед лицом новой глобальной проблемы - проблемы неустроенного и перекраиваемого пространства бывшего Советского Союза. Требуется не только активизация соответствующих реформационно-модернизаторских усилий, но и разработка новых международных кодексов, запрещающих злоупотребления "сильных" в отношении законных интересов "слабых" или испытывающих временное "замешательство". Эти злоупотребления испытывает на себе и Россия, национально-государственные интересы которой откровенно ущемляются.

Инерция прежнего мышления сказывается в привычке рассматривать глобальные проблемы в контексте новых амбиций преобразующего разума, под знаком новых технологий; но сегодня их, в первую очередь, необходимо рассматривать в контексте новых норм - гуманистических универсалий. Технологии - орудие преобразующего разума, наследующего титанизм индустриальной эпохи. Нормы - средства стабилизирующего разума, сочетающего прометееву волю Запада с древней мудростью Востока. Дилемму "отсталое или передовое" он корректирует посредством другой дилеммы: "порядок или хаос".

На этот разум мы возлагаем сегодня наши надежды на преодоление неожиданно прорвавшихся слепых стихий, грозящих самому нашему существованию.

Глава I. Тяготы цивилизованности и соблазны Варварства

1. Цивилизационное самосознание и культурологический релятивизм

Всякое цивилизационное самосознание противостоит натурализму - иллюзии "естественных состояний", с одной стороны, и безмерному ценностному релятивизму - с другой. В первом случае мы имеем дело с определенным типом антропологии, близким откровению великих мировых религий о природной греховности человека. Здесь присутствует, следовательно, хотя бы смутное ощущение энтропии - подстерегающего хаоса, который необходимо "заклясть", защитившись от него системой норм, правил, кодексов. Всякое натуралистическое благодушие в духе того, что человек по самой своей природе добр и его не следует стеснять, чуждо цивилизационному самосознанию. Оно является историческим продуктом, причем, продуктом драматических периодов, когда люди вплотную сталкиваются с грозными социальными стихиями, с разгулом массовых всеразрушительных страстей. В такие периоды приходит сознание зыбкости, дефицитности социального порядка, хрупкости институтов, проблематичности результатов, достигаемых в ходе социализации. Вот тогда из опыта утрат вырастает цивилизованное самосознание, связанное с пониманием того, что цивилизованность противоположна наиболее вероятным, стихийно воспроизводимым состояниям мира, что она есть, одновременно, высокая и хрупкая искусственность. Такие прозрения осе-

няют людей в поздний час истории, когда все, чем они живут, что им дорого, становится проблемой.

С другой стороны, цивилизационное самосознание актуализируется в присутствии другого - при столкновении с другими культурно-историческими типами, обладающими иными нормами, принципами жизнестроения. Антитеза "мы - они" играет решающую роль не только в социальной психологии, но и в культурно-историческом "метаопыте", касающемся различий глобального типа, как во времени (осознание специфики своей эпохи), так и в пространстве (осознание специфики своего суперэтнуса, цивилизации). Здесь мы сталкиваемся со сложной проблемой смысла жизни. Этот смысл в современном европейском его понимании представляет часть прометеева наследия этой цивилизации: смысл обретается посредством чувства превосходства нашего мира по отношению к иным мирам, удаленным от нас во времени и в пространстве. Смысл жизни открывается как осознание беспрецедентности, уникальности задач, возможностей и перспектив, открывающихся именно перед нашим временем, нашей цивилизацией.

Всякое прозрение относительно банальности этих задач ведет к утрате смысла, что в индивидуальном плане нередко приводит к попыткам самоубийства, а в опыте поколений - к деморализации, к ощущению "безвременья". Цивилизация, как и поколение, должна верить в свою миссию. Самоуничтожение противопоказано ей, ибо дисквалифицирует ее нормы, которыми человеку вообще свойственно тяготиться. Не случайно эпохи смут и катастроф несут в себе особое прельщение, в особенности для молодежи: она видит в них возможность избежать предстоящих тягот социализации.

Антиномия нашего времени состоит в том, что, с одной стороны, сегодня стал опасен всякий чрезмерный эгоцентризм - будь то эгоцентризм этноса, культуры, цивилизации, а с другой стороны, известная доля его

необходима для поддержания жизненного тонуса на любом из этих уровней и для сохранения идентичности. Бунт европейских интеллектуалов против собственной цивилизации, ее отрицание с позиции фанатичного революционаризма или модных теперь ориентализма, экологизма и тому подобное не только снижает тонус западной цивилизации, но и дезавуирует цивилизационные нормы.

Как показывает исторический опыт, всякая цивилизация в целях самоидентификации вырабатывала понятие варварства - чего-то противоположного ей. Это понятие знакомо древним китайцам, египтянам, эллинам. Как пишет А.Резлер, под влиянием модного культурного релятивизма "европейские интеллектуалы утрачивают такие жизненно важные дихотомии, как "цивилизация - варварство", "лик светлый - лик темный", "позитивное - негативное". Постоянно играя в антиномии, смешивая и меняя местами крайности, они незаметно для себя утратили ощущение европейской идентичности. Сегодня неясно, в чем же раскрывает себя творческий гений Европы, а что, напротив, ему чуждо: "воля к новациям или желание неподвижности, индивидуальная свобода или исключаящие ее мифы коллективной судьбы и жертвенности"¹.

Современный культурный антрополог скажет, что культуры, прежде выступающие в глазах европейцев как варварские, на самом деле являются просто качественно другими - со своей картиной мира, своими нормами и способами жизнестроения. Более того, ввиду угрозы глобальных кризисов, порожденных "прометеевой волей" западного человека к покорению природы и истории, сегодня именно к опыту неевропейских цивилизаций обращается встревоженное человечество в поисках альтернатив. Всемирная презумпция доверия к западному опыту близка к тому, чтобы смениться презумпцией не-

¹ Reszler A. L'intellectuel contre l'Europe. P., 1976. P. 7.